

Мы смеялись и плакали вместе

ЮБИЛЕЙ

Неизвестные письма Аркадию Райкину — от друзей, знакомых и просто зрителей

24 октября 1996 года Аркадию Райкину исполнилось бы 85 лет. Я рад, что есть повод вспомнить о нем и о людях, которых с ним связали жизнь, преданность искусству, великая вера в добро. В архиве моего отца тысячи писем. Письма друзей и знакомых, знаменитых и совсем неизвестных людей, зрителей и почитателей его таланта, скептиков и даже недоброжелателей. Очень много писем с просьбами и благодарностями за помощь. Предлагаемые читателям «Века» строки публикуются впервые.

Константин РАЙКИН

Дорогой Аркадий Исаакович! Бесконечно огорчен, что не могу быть сегодня с Вами, на Вашем празднике.

Очень ценю Ваше восхищенное отношение. В свое время, еще в период Вахтанговской студии, я увлекался искусством актерской трансформации. Примечательно то, что Вахтангов тоже этим видом искусства был чрезвычайно заинтересован, считая, что оно не противоречит строгой школе Станиславского, и однажды предложил мне переиграть все роли Чеховской «Свадьбы».

Но Вы — Аркадий Райкин — не только замечательный артист-мастер. Вы настоящий художник-сатирик, советский патриот, в самом высоком смысле этого слова.

К таким, как Вы, можно полностью отнести слова великого Гоголя, которыми он характеризовал настоящих сатириков: «Огнем негодования лирического зажглась беспощадная сила их насмешки!»

Пусть этот ОГОНЬ пылает и не ослабевает в Вашем сердце долгие, долгие годы.

Обнимаю Вас,
Юрий ЗАВАДСКИЙ
29/XI-71 г.

Дорогой Аркадий Исаакович, вчера мне выпало счастье — настоящее счастье увидеть Вас вновь на сцене, и я не могу удержаться от того, чтобы не выразить хоть сотую часть того огромного, сложного впечатления, с которым я вышла из театра и с которым живу беспрестанно, вспоминая каждую вашу

фразу, каждый жест, каждый взгляд.

Я не помню, когда еще я испытывала нечто подобное, моему, никогда. И если прежде я уходила после Вашего выступления, нахотевшись до слез и полная восторга, то теперь, помимо этого, я ушла переполненная думами разного рода. Я поняла, что передо мной, вернее, перед нами — не только уникальный блестящий артист, но и человек большого, горячего сердца и глубокого ума.

Я поняла, что Вы делаете огромной важности дело, в то время как все мы лепечем что-то невнятное и маловразумительное. Вы смело вскрываете глубокую больную рану — и успокаиваете острую боль своим ярким юмором. Как и чем можно отблагодарить Вас за это? Не знаю.

Может быть, только сознание того, что все, что Вы делаете, оставляет глубочайший след в душе каждого, кто не потерял способности чувствовать, думать и понимать Вас. Примите мой низкий поклон за Ваше подвижничество искусство, наш дорогой, родной, замечательный и единственный Аркадий Исаакович.

Я терпеть не могу находиться в толпе, но в данном случае я готова стоять среди миллионов Ваших почитателей и, глядя на Вас снизу вверх, аплодировать Вам до боли в ладонях.

Я не сказала Вам и сотой доли того, что мне хотелось бы, но боюсь, что тогда я никогда не кончила бы письма.

Ваша М. БАБАНОВА
18/X-72 г.

Дорогой Аркадий Исаакович!

Я звонил Вам по телефону и понятия не имел, что у Вас в эти дни такой славный юбилей. От всего сердца хочу поздравить Вас. Уверен не только в Вашем прекрасном таланте и высоком мастерстве — кроме Вас, такого уже не увидишь в театре, — но и в другом: если люди хотят узнать, какие они, — пусть идут на Ваши спектакли.

Мне совсем не кажется, что Вы «сатирик», есть в этом роде искусства что-то куцое, желчное. Вы открываете куда более широкий мир; в Вашем искусстве не только бюрократы, плуты и дурни, но и какая-то часть огромного материка, именуемого: человек.

От времени у Вас тонкость слуха, острота глаза — Вы улавливаете тысячи оттенков речи, ухваток... Но за всем этим больше — человек. Всякий человек, круг его жизни, засасывающая «тина мелочей». И если человек умный и душевно тонкий, он борется, высмеивает мелочи, страстно ненавидит мелочность, ужасается мелочам.

Таким мне кажется Ваше искусство, умное, душевно тонкое, и смешное, и страшное.

От всей души желаю Вам все-го самого лучшего.

Всегда Ваш друг
Григорий КОЗИНЦЕВ
23/X-71 г.

Уважаемый Аркадий Исаакович, 1943-й год. Черноморское побережье Северного Кавказа. Военно-морской госпиталь около Сочи.

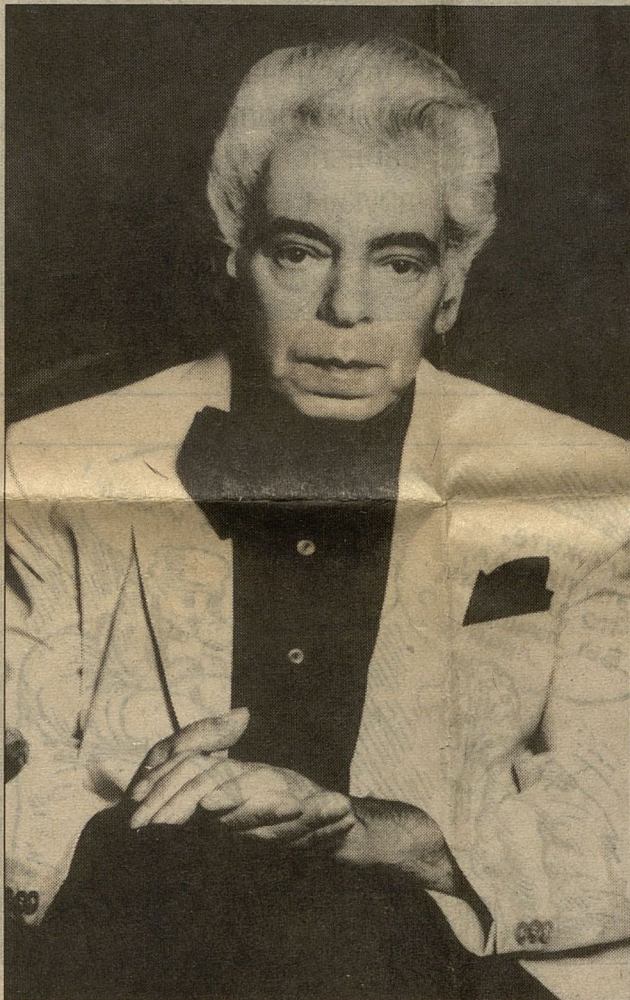

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

Вы ходите из одной палаты в другую и даете спектакли раненым, часто одному, двум — обожженным, разорванным на куски... Людям становилось легче.

Я видел все это, ходил вместе с Вами. Был тогда подполковником, редактором флотской газеты «Красный черноморец».

Теперь помогите посмотреть Ваш нынешний спектакль. В «Советской» достать билеты трудно. Если можно, скажите администратору концертного зала, чтобы мне без многочасового ожидания продали два билета.

Независимо от результата этой просьбы желаю Вам, как говорится, дальнейших успехов и счастья.

Будьте здоровы и извините.
С. ЗЕНУШКИН
8 февраля 1966 г.

28 марта 1960 г.
Здравствуй, уважаемый Аркадий Райкин.

Большой радостью и в то же время неожиданностью для меня было получение от Вас телеграфного денежного перевода. Прежде всего Вам большое сердечное спасибо за оказанную помощь. Вы не только большой артист — чье имя знает каждый советский человек, но чуткий и внимательный во всем и всегда.

Одновременно хочу сообщить, что, возможно, к 1 Мая с. г. я освобожусь и снова вольюсь в

число равноправных граждан нашей страны, чтобы навсегда выкинуть из жизни бесцельно утраченные годы и снова своим честным и скромным трудом украшать нашу постоянно улучшающуюся жизнь.

Вы хорошо знаете суть моего проступка, а так же, как и многие другие, осуждаете неправильные действия моей бывшей лживой и развратной жены, из-за которой я лишился свободы и испытал много трудностей.

Причиной задержки настоящего ответа явилось то, что я не знал, от кого поступил денежный перевод. (Заклученные приобретают товары и продукты только безналичным путем в лагерьном магазине). Больших трудов стоило установить, кто же прислал деньги, ведь к тому времени я уже был переведен в другой лагерь заключенных.

Еще раз большое спасибо Вам за оказанную помощь.

Желаю Вам дальнейших творческих успехов, доброго здоровья и долгих лет жизни.

Мой адрес: гор. Томск-17, п/я ГХ 5/12.

С уважением и благодарностью —
Павел Александрович ЛУКЬЯНОВ

Уважаемый тов. Райкин. Вчера, т. е. 10.07.55 г., я очень внимательно смотрел и слушал Ваше выступление по телевизору. Программа, мысль спектакля «Человек-невидимка», качество выступления артистов и лично Ваше выступление мне очень понравились.

Однако мне хотелось бы Вам сказать об одной, по моему мнению, неправильной идее изображения сцены свидания пожарного с девушкой.

Я работник пожарной охраны, средний командир, имеющий необходимую подготовку в знании пожарного дела, имеющий 15-летний стаж работы в пожарной охране, потушивший за это время немало пожаров. Поэтому хорошо знаю быт пожарных, их службу, самоотверженный труд в борьбе с огненной стихией и историю пожарной охраны. Служба по-

жарного — борьба с огнем, с очень опасным и коварным врагом, вышедшим из-под власти человека. Для борьбы с огнем пожарный должен обладать высокими морально-физическими качествами. Советские пожарные обладают такими качествами. Советские пожарные немало спасли человеческих жизней на пожарах, рискуя собственной жизнью. Они понимают, что они служат народу, а есть ли почетнее долга служения человеку, всему народу. Казалось бы, есть все возможности показать этих советских людей, стоящих на огненном фронте, в нашей печати, кино и т. д. Нет этого труда ни в книгах наших писателей, ни в кино, ни в театрах. Правда, в кинокартинах: «Станица дальняя», «Шуми, городок», «Кубанские казаки» и др. участвуют пожарные, но только в роли объекта для смеха.

Вот и вы, т. Райкин, решили рассмешить зрителей, надев на свою голову после заячьей шапки (в июле месяце) старую, давно снятую с использования, пожарную каску и назваться пожарным.

Видимо, в истории этой каски и вообще всех пожарных касок не было такого случая, чтобы пожарные, будучи по Вашему замыслу глупы, ходили в парк на свидание в каске.

Вы в роли пожарного говорите: «Я все думаю о профилактике охраняемой территории». Не за тем пожарный выставляется на вышку, чтобы заниматься профилактикой...

Зачем же, собственно, Вам понадобилось, т. Райкин, искажать действительность службы, быта пожарных, оскорблять их неразумным свиданием в каске...

Прошу дать мне объяснения по этому вопросу.

ГЛАДЕНКО Н. И.
11.07.55

13.07.68

Дорогой Аркадий Александрович (Да будет при этом славиться имя вашего отца Исаака!)*

Свершилось! Достигнуто! Взят потолок! Стратосфера! Космос! Выше — нельзя! Все было — не было этого! Это стало — и стоит? Нет, идет! Вперед идет! Летит! Стремится к новым высотам могучий дух Райкина.

Стремятся к Райкину люди, как к артисту, доктору, мудрецу, советнику. Какому? Народному доктору СССР. Народному СССР мудрецу! Советнику СССР народному. Артисту!.. Фу, черт! Здорово звучит и на бумагу ложится, и в ухе не застревает. И радует глаз. Отчего? Оттого, что так удобнее глазу. И уху. И сердцу. И совесть. Уж если кто СССР, то А. А. Райкин. И другим легче, которые имеют это. И другим, которые не имеют и не будут иметь, но которые тоже считают себя частицей народа и про себя давно уже дали Вам и звание, и признание, но не имели типографии, чтобы обнародовать это свое суждение.

А теперь!.. Фу, черт! Станет ли здороваться? Как бы, того... Ну да что? Он ведь не стал другим. Мы всегда знали и любили его таким, так что поздравляем самих себя, что нам теперь спокойнее стало: наше мнение узаконено и декретировано.

Сорок лет назад услышал я от Елены Владимировны Елагиной впервые имя Аркадия Райкина — студента, таланта, гиганта. И вот сегодня могу отпраздновать юбилей нашего с Вами знакомства. Всю жизнь рядом и всю жизнь интересно и вверх! Вот это Райкин! Спасибо и ей — Райке — давшей миру славный род, воспитавший Аркадия Александровича и всю его генерацию.

Обнимаю вас, дорогой, и Ро-му, и дочер, и сына — актеров славных, райкиновых!

Ваш
Ираклий АНДРОНИКОВ

* Так при награждении назвал А. И. один из высших государственных чиновников

Публикация
Наталии ГЛАДКОВОЙ